

«В честь взяток не давать»: «почесть» и «взятка» в послепетровской России

Елена Корчмина

«Do not give bribes in honor»: *pochest'* and *vziatka* in post-Petrine Russia

Elena Korchmina (National research university Higher School
of Economics)

Значение вопроса о характере и степени коррумпированности государственной администрации в России раннего Нового времени выходит далеко за пределы «модной» и привлекающей внимание тематики. В функционировании любой системы управления очень многое зависит не от законов и регламентов, а от обычая, рутины, повседневных административных практик, причём роль этих факторов существенно возрастает в традиционных обществах и на низших этажах административной «вертикали», при взаимодействии представителей власти с населением. С другой стороны, переход к более современным стандартам управления ведёт к постепенному вытеснению традиционных процедур и практик. Как именно «новое» взаимодействовало со «старым»? Как известно, и до и после петровских реформ местные чиновники во многом существовали за счёт не жалованья, а подношений. Однако многое в этой традиции до сих пор остаётся неясным. Как интерпретировалась эта практика, которая зафиксирована во множестве разного рода источников? Можно ли считать её признаком «коррупции» или же она скорее была пережитком эпохи «кормлений»?

Законодательство XVII – первой четверти XVIII в., направленное на противодействие взяточничеству, детально рассматривается в работах Д.О. Серова¹, в то время как законодательство более позднего периода до сих пор не стало предметом специального анализа. Конечно, именно рубеж веков был принципиально важен для складывания понятия «взятка» в современном его значении.

© 2015 г. Е.С. Корчмина

Статья подготовлена в рамках проекта: «Европеизированная элита в России XVIII – начала XIX в.: роли и идентичности» («The Creation of a Europeanized Elite in Russia: Public Role and Subjective Self»), поддержанного фондом Леверхульм Траст (The Leverhulme Trust) (R-357).

Автор выражает благодарность сотрудникам читальных залов РГАДА, РГВИА, ОР РГБ за благожелательное отношение и помощь в работе, а также И.А. Христофорову, И.И. Федюкину, Д.О. Серову, М.А. Киселёву, М.Б. Лавринович за ценные советы и замечания.

¹ См.: Серов Д.О. Противодействие взяточничеству в России: опыт Петра I (законодательные, правоприменительные и организационные аспекты) // Уголовное право. 2004. № 4. С. 118–120; он же. «Взяток не имал, а давали в почесть...» // Отечественные записки. 2012. № 47(2). С. 211–223; он же. Пётр I как искоренитель взяточничества // Исторический вестник. Т. 3 (150). Романовы: Династия и эпоха. М., 2013. С. 70–95.

По мнению Серова, указ 23 декабря 1714 г. означал криминализацию взятки, когда «посулы, поминки, почести, взятки сливались... в единый, безоговорочно и сурово караемый состав преступления»². С этого момента все чиновники, заступая на должность, должны были знакомиться с этим указом под роспись: «И дабы неведением никто не отговаривался, велет всем, у дел будущим, к сему указу приложить руки, и впредь кто к которому делу приставлен будет, прикладывая, а в народе везде прибить печатные листы»³. Населению, в свою очередь, следовало доносить о чиновниках-взяточниках⁴. При этом положение о том, что донос освобождает взяткодателя от ответственности, было сформулировано в законе достаточно туманно: «То ж следовало будет и тем, которые ему (чиновнику. – *Е.К.*) в том служили и чрез кого делано, и кто ведали, а не известили, хотя подвластные, или собственные его люди, не выкручаясь тем, что страха ради сильных лиц, или что его служителей». Серов полагает, что действия взяткодателей подпадали под действие антикоррупционных законов, но отмечает, что применение их наталкивалось на непреодолимые трудности, в первую очередь – на веками складывавшиеся традиции подношений.

Анализируя повседневные административные практики, историки подчёркивают многослойность понятия «взятки» в конце XVII–XVIII вв.⁵ Так, О.Е. Кошелева полагает, что уголовно наказуемой «взяткой» («кормлением от дел») считались только противозаконные действия, а «почести», являвшиеся формой благодарности за сделанную работу, как взятка не расценивались⁶. Именно они, отмечает Д.А. Редин, играли особую роль во взаимоотношениях чиновников и населения в провинции⁷. В работах, относящихся к XIX в., подчёркивается, что традиция почестей не прерывалась и в это время⁸. Таким образом, историки склонны разделять «почесть» (плату за труды), коренящуюся в традициях кормлений, и «взятки» (противозаконные действия). Только Редин, говоря о петровском времени, высказал предположение, что крестьянский мир, прибегая к защите нового закона о взятках, подводил под него любые траты в пользу чиновника⁹. Иначе говоря, «почесть» могла перерасти во «взятку» в зависимости от контекста.

В целом, работы о взятках/почестях оставляют противоречивое впечатление. С одной стороны, исследователи подчёркивают тотальное распространение взяток и подношений, с другой – их секретность и неуловимость. В цен-

² Серов Д.О. Пётр I как искоренитель взяточничества. С. 81.

³ Сборник Императорского российского исторического общества. Т. 11. Указы письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887. С. 212.

⁴ Серов Д.О. Противодействие взяточничеству... С. 119.

⁵ Редин Д.А. Воеводское кормление в России XVIII в.: расходная книга тюменского оброчного старосты Е. Меньшикова 1717 г. (Исследование и публикация источника) // Проблемы истории России. Вып. 10. Исторический источник и исторический контекст: Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2013. С. 236–283; Морякова О.В. Система местного управления в России при Николае I. М., 1998, С. 33–49; Гросул В.Я. «Лихоимство есть цель всех служащих...»: о злоупотреблениях местных властей Рязанской губернии накануне крестьянской реформы 1861 г. / Вестник РУДН. Серия «История России». 2011. № 11. С. 18–26.

⁶ Кошелева О.Е. «От трудов праведных не наживёшь палат каменных» // Отечественные записки. 2003. № 3.

⁷ Редин Д.А. Воеводское кормление... С. 245.

⁸ Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. 2002. № 5.

⁹ Редин Д.А. Должностная преступность в петровской России // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время). М., 2010. С. 846.

тре большинства таких исследований находится чиновник¹⁰. Неудивительно, что концептуализация феномена взяток основывается на противопоставлении «идеального» («веберовского») бюрократа «патримониальному» чиновнику¹¹. Наиболее полно этот подход представлен в работе С. Шаттенберг, которая анализирует выстраивавшиеся через «взятку» отношения в российском обществе в рамках функционалистского подхода, когда каждый индивид рассматривается как предприниматель, постоянно участвующий в транзакциях и переговорах. «“Корруптивное” поведение при этом выполняет системные функции, которые не могут быть выполнены другими, например государственными, структурами... так что, как это ни парадоксально, “коррупция” может иметь стабилизирующее воздействие на всю систему». При этом Шаттенберг подчёркивает, что «неграмотные крестьянские массы в игре за власть и влияние были обречены на пассивность или просто не знали ничего, кроме обмена дарами»¹². На мой взгляд, подобное восприятие крестьян как статистов, пассивных жертв произвола чиновников, не отражает всей сложности реальных взаимоотношений управляющих и управляемых. В распоряжении последних было немало способов пассивного и активного сопротивления. Вопрос заключается скорее в том, когда и почему те или иные способы использовались или, наоборот, оказывались незадействованными. Интересно в этой связи понятие «режима мягких правовых ограничений», предложенное политологом К.Ю. Роговым, для анализа «ситуации, когда правовые нормы существуют не столько для того, чтобы они соблюдались, сколько для того, чтобы они нарушались; во всяком случае, такие нарушения носят систематический характер. Неверно было бы сказать, что в такой системе правила не работают; они именно работают, но работают специфическим образом»¹³. Рогов применяет это понятие к анализу ситуации в современной России, но, на мой взгляд, его вполне можно применить и к более ранним эпохам. В определённой степени о том же писал Д.А. Редин: «Создается впечатление, что система отношений, характеризуемых новым петровским законодательством как должностные преступления, при определённых обстоятельствах устраивала как чиновников, так и народ»¹⁴. Правомерен ли такой вывод? Думается, что для ответа на этот вопрос следовало бы сместить акцент с изучения этоса и мотивов действий чиновников на анализ взаимодействия между чиновниками и крестьянами, которое после принятия петровских «антикоррупционных» законов выстраивалось в принципиально новых рамках. Считается, что законодатель в России на протяжении длительного времени, в том числе и в XVIII в., фактически вёл «культурный» монолог, в результате чего одним из основных атрибутов русского права стала его недейственность¹⁵.

¹⁰ См., например: *Hartley J. Bribery and Justice in the Provinces in the Reign of Catherine II // Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from the Middle Ages to the 1990s. / Ed. by S. Lovell, A.V. Ledeneva, A. Rogachevskii. L., 2000; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999. С. 120–121; Писарькова Л.Ф. Указ. соч.*

¹¹ См.: *Volkov V. Patrimonialism versus Rational Bureaucracy: On the Historical Relativity of Corruption // Bribery and Blat in Russia... P. 36–40.*

¹² *Шаттенберг С. Культура коррупции, или К истории российских чиновников // Неприкосновенный запас. 2005. № 4(42).*

¹³ *Рогов К. Режим мягких правовых ограничений (URL: <http://www.inliberty.ru/blog/1175-rezhim-myagkih-pravovyh-ogranicheniy>).*

¹⁴ *Редин Д.А. Должностная преступность в петровской России. С. 846.*

¹⁵ *Живов В.М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 257.*

Однако распространение практик информирования населения о новых законах¹⁶ приводило к тому, что вновь создаваемые законодательные нормы проникали в толщу крестьянской жизни, задавая соответствующие «правила игры» при взаимодействии с чиновниками. Данная работа основана на двух типах источников: рутинном – финансовых книгах, в которых крестьянские общины и вотчинные власти фиксировали расходы крестьян¹⁷, и экстраординарном – следственных делах о взятках. Первый тип источника позволит в полной мере оценить будничность и повсеместное распространение взяток/почестей и выявить всю условность их теневого и криминального характера. Привлечение же следственных дел поможет «услышать» голоса как чиновников, так и крестьян.

В самом общем смысле сами участники событий считали «почестью» добровольное подношение, а «взяткой» – вынужденный платёж или подарок. Однако одно и то же действие в зависимости от обстоятельств могло рассматриваться и как «почесть», и как «взятка». Фактически речь идёт о своеобразной игре между крестьянским и чиновным миром, правила которой, с одной стороны, были установлены законом, каравшим любые подношения как взятку, а с другой – освящены традицией «подарков». Добровольные подношения крестьян «в честь» были выгодны обеим сторонам: чиновник компенсировал недостаточность государственного жалованья, крестьяне быстрее решали свои дела, «прикармливали» чиновника в надежде, что придёт время, и он поможет. Но если чиновник начинал требовать денег или подарка, это порой рассматривалось крестьянским миром как нарушение неписанного «договора». В результате крестьяне обвиняли чиновника во взяточничестве, причём в качестве взятки в этом случае рассматривались те же самые подарки, которые на протяжении нескольких лет до того воспринимались как «почести». Как же именно «почесть» становилась «взяткой»?

Финансовые документы, в которых фиксируются и описываются различные взятки и подарки, можно разбить на несколько групп: 1) счета расхода господских сумм; 2) счета расхода мирских сумм; 3) письма крестьянских должностных лиц к помещику/управляющему; 4) отчётность (приходно-расходные книги). Последний вид документов наиболее информативен. Он существовал как в виде специальных тетрадей, в которых записывались исключительно подношения чиновникам, так и в виде стандартных годовых приходно-расходных книг. Первая разновидность этого источника гораздо чаще попадает в поле внимания историков¹⁸. Мне бы хотелось обратить внимание на вторую из них – обычные годовые приходно-расходные книги, которые позволяют представить взятки/почести в системе мирских или вотчинных трат. В целом, можно сказать, они составлялись по одному и тому же принципу. В доходной части фиксировались все поступившие деньги за текущий год с указанием даты поступления, в расходной записывались дата (обязательный элемент), кому уплачено (часто, но не всегда), на что (часто, но не всегда) и какая сумма. Например, 1 марта 1834 г. «для Масленицы чиновникам земского суда доставлено покупкою съестных

¹⁶ См.: *Franklin S. Printing and Social Control in Russia 2: Decrees // Russian History. Vol. 38. 2011. № 3. P. 467–192.*

¹⁷ См. об этом источнике применительно к XVII в.: *Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 192–198.*

¹⁸ См., например: *Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII в. (содержание населения уезда государственного органа власти). СПб., 2000; Редин Д.А. Воеводское кормление; Писарькова Л.Ф. Указ.соц.*

припасов земскому исправнику» на 4.5 руб., секретарю Осипову – 2.5 руб., двум повытчикам – 3.2 руб., протоколисту Нагорскому – 2 руб., заседателю дворянскому – 2.5 руб., почтмейстеру и помощнику – 3.4 руб.»¹⁹.

Отмечу, что используемые приходно-расходные книги XIX в. во многом сходны с аналогичными книгами XVII в., которые также содержали «скрупулёзные записи о тратах на подённое содержание и корм чинов местного административного аппарата»²⁰. Преимуществом используемых мною источников по сравнению со специальными тетрадами, в которых фиксировались только подношения чиновникам, является их более широкое распространение, или, по крайней мере, сохранность применительно к XVIII–XIX вв.

Проанализируем приходно-расходную книгу за 1834 г. по вотчине князей Голицыных. Имение находилось в Ростовском уезде Ярославской губ. и включало в себя с. Пужбол с деревнями, где проживали 288 душ мужского пола. На этот год с них следовало собрать 5 560 руб. оброчных денег, 1 445 руб. подушных, 736 руб. на разные вотчинные расходы, из которых к 1835 г. за крестьянами числилось более 1 300 руб. недоимки по оброчным платежам и около 50 руб. подушных²¹.

Условно выделим четыре вида записей, которые в том или ином виде отражают траты на местных чиновников: 1) праздничные подношения на Новый год, Масленицу, Пасху и Петров день; 2) угощение приезжавших в вотчину чиновников (как правило, из земского суда); 3) плата чиновникам за совершение ими действий, направленных на получение выгод для конкретной вотчины (например, «земскому исправнику за отмену казённых подвод деньгами»); 4) «кормление от дел», т.е. дополнительная плата чиновникам за ведение дел во время приездов крестьян в канцелярию (например, «20 марта в ростовскую комиссию при подаче ревизских сказок протоколисту Нагорскому дачею денег»).

Записи из этой книги можно свести в таблицу.

Таблица

Подношения чиновникам в 1834 г. от вотчины с. Пужбол с деревнями, принадлежащей князьям Голицыным

	Продуктами (руб.)	Деньгами (руб.)	Всего
Праздничные подношения	77.1	11.4	88.5
Угощение приезжающих в вотчину чиновников	60.5	–	60.5
Угощение чиновников в городе	2.3	–	2.3
За послабления и т.п.	–	22.58	22.58
Дополнительная плата во время отправления дел	19.92	137.44	157.36
Всего	159.82	171.42	331.24

Составлено по: ОР РГБ, ф. 64, кн. 47, д. 2.

Всего в 1834 г. было израсходовано около 7.5 тыс. руб., из них на чиновников, согласно моим подсчётам, – около 350 руб., что составляет менее 5% от всех расходов. Не берусь судить, насколько тяжким бременем эти расходы легли на

¹⁹ ОР РГБ, ф. 64, кн. 47, д. 2, л. 27 об.

²⁰ Швейковская Е.Н. Указ. соч. С. 196.

²¹ ОР РГБ, ф. 64, кн. 47, д. 2, л. 25.

крестьян, для этого не хватает данных. В итоговой сумме распределение подношений в денежном и натуральном выражении представлено почти в равных долях. Основная сумма расходов связана с дополнительной оплатой труда местных чиновников. Суммы, которые тратились собственно на «взятки», если под ними иметь в виду вознаграждение за противоправные действия и бездействие, незначительны. Основные статьи расходов скорее можно интерпретировать как «почести». Записи, о которых идёт речь, являются стандартными, будничными и не сильно отличаются от аналогичных записей более раннего времени. На мой взгляд, фиксация подношения в натуральном или денежном выражении преследовала исключительно финансовую цель отчёта перед общиной за потраченные деньги. Упоминания о необходимости и важности отчётов встречаются регулярно: «А что он перевыскал лишняя, то в доказательство и найдено повороченных в мирскую сумму слишком до 900 рублей наличо, кой он, конечно б, и присвоил к себе, есть ли б не вышел ропот от поданных и неотступное требование отчета в собранных по таким великим роскладкам денег, да и щеты он делал перед приездом моим, услыша от Вашего сиятельства, что я к нему буду, а инако б ево застать можно в гораздо растроином и по книгам безпорядке»²².

Правда, в этой связи не ясно, зачем крестьяне вели и, если вели, то как часто, отдельные тетради о подношениях чиновникам. Следует также иметь в виду, что размеры подарков год от года могли существенно меняться. Вот пример по другой вотчине князей Голицыных (с. Гребнево Московской губ.). В 1839 г. «15 июня приходившей из Московского военного госпиталя командою солдат для собирания в вотчинных дачах употребляемых в аптеках кореньев и трав, во избежание их постоя в вотчине и других неудобств» дано 15 руб.²³ Но 12 годами ранее за тоже самое было дано всего 5 руб. 40 коп.²⁴ При этом оброчных, подушных и мирских денег в 1839 г. с 1 500 душ следовало собрать более 63 тыс. руб., а в 1827 г. с более чем 1 тыс. душ – более 52 тыс. руб.²⁵ Таким образом, за 10 лет сумма подношений солдатам изменилась почти в 3 раза, а средний платёж с одной мужской души почти не изменился.

Возникает вопрос о степени достоверности этих многочисленных и детальных записей. Обвинённые в получении взяток чиновники часто утверждали, что подношения могли фиксироваться задним числом, или что их вообще не было, а старосты таким образом просто присваивали себе деньги. В 1738 г. уличённый во взяточничестве Семён Попов настаивал: «Что оной староста о тех 15 копейках показывает во взяток, лож, а в расходные-де свои книги волно ему вписать [и ныне]». Однако из просмотренных мною книг видно, что записи велись регулярно, подчисток почти не встречается, или, по крайней мере, не встречается в записях о размерах подарков чиновникам.

На возможность недобросовестности крестьянских выборных указывал в 1764 г. воевода коллежский асессор Василий Козлов, утверждавший, что сельские управители были «действенно притчиною зборов и по болшой части мирскими денгами обще и корыстовались». Поскольку сельским управителям нужно было представлять отчёты обществу, им не оставалось ничего другого, кроме как показать, что недостающие деньги они приносят воеводе. «А есть ли бы показали, что я от них тех денег не требовал и притеснением и за взятков

²² РГАДА, ф. 1261, оп. 7, д. 29, л. 19 об.

²³ ОР РГБ, ф. 64, к. 42, д. 2, л. 162.

²⁴ Там же, л. 161 об.

²⁵ Там же, д. 1.

не делал, а приносили они добровольно, то бы неминуемо подвергли себе за самовольные зборы и употребление оных без причины наказание»²⁶. В 1835 г. при расследовании беспорядков в имении князей Ливенов было выявлено, что «приказчик присвоил как минимум 700 рублей, записав их как взятки разным чиновникам»²⁷.

Для понимания феномена взяточничества важно, что следственные органы рассматривали эти записи в качестве доказательств получения взятки и делали их основанием для вынесения приговора. Эта практика была широко распространена на протяжении всего XVIII в. Вот один из примеров. В 1737 г. крестьяне показали, что земский писарь Семён Попов брал с них взятки, «а оной земской писарь на показанной извет допросом показал: со старосты взятков не бирывал, а когда что взято, чтоб объявили они о том подлинно, также и расходные книги». Крестьяне предъявили реестр, в котором показали, что 12 марта 1733 г. «от подушной отписи» (т.е. во время выдачи квитанции о платеже подушной подати. – *Е.К.*) с выборного Никифора Прокопьева было взято 85 коп., 24 декабря 1733 г. со старосты Денисова взят 1 руб., 10 марта 1734 г. с выборного Филипова также взят 1 руб., 7 октября 1734 г. – 1 руб. 60 коп. и вина на 65 коп. Этот реестр, по всей видимости, был сделан на основании записей в расходных книгах. Писаря наказали: «Он, Попов, против вышеписанного от старост и дьячка объявления о взятках деньгами так и съестными харчевым отписей и от сказок хотя и показывал, что тот принос ему от них был в честь, но токмо по плакату... брат невелено»²⁸.

В какой мере крестьяне понимали, что, фиксируя в приходно-расходных книгах подарки чиновникам, они фактически фиксируют собственные правонарушения, причём на регулярной, рутинной основе? К сожалению, ответить на этот вопрос сложно. Но это не препятствует использованию данного источника для реконструкции размера, регулярности, направленности платежей. Неизбежен вывод, что значительную их часть следует отнести к подношениям «в честь». Для выяснения вопроса, как и когда эти нейтральные финансовые записи превращались в основание для уголовного преследования, т.е. становились доказательством «взятки», необходимо привлечь другой источник – следственные дела.

Принятием закона 1714 г. борьба со взяточничеством на законодательном уровне не закончилась. Интенсивность «антикоррупционной» законотворческой деятельности российских монархов на протяжении XVIII в. менялась. Так, в годы правления Петра I было принято 13 указов о взятках, в годы правления Екатерины I – 1, Анны Иоанновны – 8, Елизаветы – 5 указов. На годы правления Екатерины II приходится самое большое количество указов о взятках – 25²⁹.

Несмотря на такую активность, кажется, что на протяжении XVIII в. понимание законодателем того, что такое «взятка», оставалось прежним. Как писал историк права, «первый вид взяточничества состоит собственно в принятии подарка, взятки; второй – в нарушении служебного долга из-за взятки и третий – в совершении преступления за взятку»³⁰. Вместе с тем с годами менялись

²⁶ РГАДА, ф. 304, оп. 1, д. 279, л. 2 об.

²⁷ Melton E. Enlightened Seigniorialism and its Dilemmas in Serf Russia, 1750–1830 // The Journal of Modern History. Vol. 62. № 4. P. 696.

²⁸ РГАДА, ф. 248, д. 412, л. 243, 252 об.

²⁹ ПСЗ-1.

³⁰ Анциферов К.Д. Взятничество в истории русского законодательства до периода свобод // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. С. 41.

термины, которые обозначали взятки, постепенно смягчалась система наказаний. С другой стороны, на бытовом уровне наблюдается такое же постоянство по отношению к взяточничеству, но постоянство другого рода: в понимании «взятки» и чиновники, и крестьяне систематически не следовали букве закона. Из следственных дел можно сделать вывод о постоянном противопоставлении преследуемой законом «взятки» подарку «в честь» («в почесть», «от любви»).

Рассмотрим, какие риторические конструкции использовались обеими сторонами на примере упомянутого выше дела земского писаря Попова, имевшего место в 1737–1739 гг. в Галицкой провинции Архангелогородской губ. Аргументация обеих сторон вертелась вокруг того, стоит ли считать поборы, которые брал Попов, взяткой или нет. Когда речь идёт о понятии «честь», подчёркивается добровольный характер подношений и их установленный традицией, привычный размер. Со слов Попова, «староста... за честь господина своего хлеб и калачи... приносил из своей воли, а не из принуждения и не по требованию его, за что к ним и от него, Попова, воздеяние от вина и пива было и чтоб тот принос невенен был якобы в взятку. О том им говорил, и они при том объявили, что-де от господина их в честь приказным людям поклон отдавать велено да и прежде-де»³¹. Попов пытался особо подчеркнуть добровольность крестьянских приношений, обращаясь к такому неожиданному в данном контексте понятию, как «любовь»: «Во оправдание показал: оной-де дьячек со старостами к нему в квартиру приходили без принуждения, но в честь, и от чести в любви приношение чинили, а им, Поповым, в той же любви принимано, а коликое когда не помнит, против которой любви к ним почтение имелос, а дьячек-де Афонасьев при платеже им, камисаром, в квартире их с почестью ходили и молодым подъячим в честь от денег давано, а не ис принуждения, а ныне на него, Попова, показывают на одного напрасно»³².

В свою очередь староста также подчёркивал отличие взятки от чести: «А староста Петр Иванов в доказательство сказал; в 733 году при платеже подушных денег оной, Попов, подушную отпись взял в квартиру свою и выборному Прокопьеву и дьячку велел притти с выкупом, и они к нему приходили и без взятки отписи не отдал. И на другой день от той отписи взял 85 копеек взятку, а не за честь. Кроме того, за честь принесено в том же 733 году с сотцкого Григорьева от объявления рекрут, взял же 25 копеек, а по заплате подушных денег отпись взял к себе в квартиру и велел старосте Василию Денисову и дьячку Афонасьеву за тою отписью притти и по приходе-де просил с них 5 рублей, и они принесли к нему вина на 50 копеек да денег рубль. Да он не взял того рубля и выслал их вон, и после того принесли к нему чрез сутки три рубля 23 копейки, которые и взял, и по взятки отписи отдал»³³. Таким образом, крестьянский мир «в честь» добровольно приносил и вино, и деньги, но *требование* со стороны чиновников сумм, размер которых даже незначительно превышал размеры традиционных подарков, уже рассматривалось как требование взятки.

В целом, по словам Попова, это была стандартная практика приношения в честь: «Земским писарям честь от вотчин господина имелась и в расходные книги, присланные от господина, их записываетца»³⁴. О том же говорил в 1764 г. воевода Василий Козлов: «Представляя порядок оных наборов (рек-

³¹ РГАДА, ф. 248, д. 412, л. 243.

³² Там же, л. 246 об.

³³ Там же, л. 245 об.–246.

³⁴ Там же, л. 245.

рутских. – Е.К.), из чего окажется ясно, есть ли принять будет в резон, что отдатчики рекрут без требования и без домогательства от них взятков имели притчину приносить мне по прежнему своему обыкновению денги»³⁵.

Тонкая грань между «подношением в честь» и «взяткой» лежала в добровольности подношений и их привычном для общины размере. В случае, если один или оба принципа нарушались, наличие записей в приходно-расходных книгах становилось своеобразным способом контроля над местными чиновниками³⁶. Об этом в определённой степени говорил в 1764 г. воевода Козлов: «В том, что приказывал чинить им собою неуказные зборы, чего ради по неимению себе в том ни от кого жалобы, в то я не входил, когда ж дошла мне просьба, что чинят селские управители зборы, в том я следовал без всякого упущения... сверх вышеписанного и для того не старался я входить, какие у них были зборы, ибо оное собственное их между собою учреждение по их согласию, и заведено издавна при прежних управителях и воеводах. И ныне оные зборы есть как и комисии известно, что ж определенные управители по неимению жалованья имели содержание свое только от приходящих с прозбою о своих нуждах, о том единственно знали и главные команды»³⁷.

В этом отношении важно обратить внимание на обстоятельства, при которых крестьяне начинали жаловаться на действия чиновников. Выскажу предположение, что вероятность появления жалобы увеличивалась при возрастании интенсивности контактов крестьян с местной канцелярией. Анализ книги 1834 г. продемонстрировал, что дополнительные расходы на чиновников требовались во время приездов крестьян в канцелярию. В XVIII в. стандартными причинами для приезда в уездный город были уплата подушных денег два раза в год, сдача рекрут, подача сказок по специальным указам, например сказки о ворах и разбойниках, что часто совмещалось с уплатой подушных. По всей видимости, крестьяне среднего поместья приезжали в город 2–4 раза в год. Если интенсивность увеличивалась, то это приводило к большим финансовым затратам и как следствие – к жалобам. Но с течением времени такие «встречи» с чиновниками случались всё чаще и чаще³⁸.

Важно отметить, что и власти, ответственные за проведение расследования, не сомневались в том, что у крестьян есть основания приносить подобные жалобы. Это видно из следственного дела в отношении рязанского воеводы Петра Чебышева. Поводом для начала расследования в данном случае стала жалоба крестьян с. Бурина Каменского стана Пронского уезда на канцеляриста Беляева и других: «Оного-де села крестьяне Влас Савин с товарищи при отдаче фуража сена дали взятку канцеляристу Беляеву рубль восемь копеек, да при отдаче овса и при выдаче за фураж денег съестных покупок на полтора рубли, да денгами пять рублей, бывшему в той провинции воеводе Петру Чебышеву рубль, секретарю Ивану Алсуфьеву, которой ныне воеводским товарищем, два рубли. Да села Срезнева и деревни Пустого Поля крестьяны Григорьем Ивановым с товарищи дано воеводе Чебышеву рубль, Алсуфьеву 2 рубля»³⁹. В указе говорилось: «А не без сомнения находитца, что ис протчих тамошних

³⁵ Там же, ф. 304, оп. 1, д. 279, л. 1.

³⁶ О тактиках пассивного сопротивления крестьян см. классическую работу американского антрополога: *Scott J.C. Weapons of the weak*. New Haven, 1985.

³⁷ РГАДА, ф. 304, оп. 1, д. 279, л. 13 об.

³⁸ *Серов Д.О.* «Взятков не имал, а давали в почесть...». С. 222.

³⁹ РГАДА, ф. 304, оп. 1, д. 393, л. 1.

обывателей оные, Чебышев и Алсуфьев, за такая же выдачи, может быть, брали взятки ж»⁴⁰.

Но рассуждения о тонкости границы, а скорее о непредсказуемости обстоятельств, благодаря которым «почесть» становилась «взяткой», становятся очень зыбкими, если обратиться к допросным речам, в которых понятия «в честь» и «взятка» сливались: «А земской дьячек Афонасьев в доказательство показал: писар-де Попов с них взятков [полачая] за отписми брал, а что от господина их будто велено канцелярским служителям за честь давать взятки, он того не говаривал»⁴¹. Получается, несмотря на противопоставление этих понятий в рамках следственных дел и в исследовательских работах, есть основания считать, что они могли употребляться как синонимичные. Это делало само их противопоставление подобием риторической игры.

Любопытно, что чем-то вроде игры становилось для властей и соблюдение законов о преследовании взяткополучателей. Это ярко проявилось в истории изменения приговора, вынесенного Попову. В соответствии с петровскими указами от 1714⁴² и 1720⁴³ гг., он был приговорён к смертной казни. Однако впоследствии это решение отменили по следующим мотивам: «Е.И.В. Петра Великого 714 и 720 годов о лихоимстве указам, по которым оные судьи определили ему смертную казнь, положено не точию за взятки, но и за преступления государственные, штрафы и казни чинить разные, а партикулярные погрешения, то есть в челобитчиковых делах взятки, и всякие в народе обиды и им подобные тем делам, которые не касаются интересу государственных и всего народа, оставлены на старых штрафах»⁴⁴. Таким образом, по крайней мере, в данном конкретном случае действия Попова не попадали, по мнению местных судей, под действие закона 1714 г. о взятках.

В ходе следствия Попов находился под арестом и просил о милостивом рассмотрении его дела и об определении его по-прежнему в галицкую канцелярию к делам. После этого «повелено было для всемирных радостей полученных во оную губернскую канцелярию о взятии славном оружием Е.И.В. победе неприятелей перво о приходе х Крыму армее Е.И.В. и взятии города Азова, також и протчих крепостей, по тому делу учинить в архангелогородской губернской канцелярии милостивое рассмотрение»⁴⁵. В итоге Попов всё же был наказан. Во-первых, «для страху впредь другим учинить наказание бит плетьюми и написат ево в подканцеляристы на год, а потом быть как сейчас... а вышеписанной ему штраф учинить для того что он, Попов, против вышеписанного от старост и дьячка объявления о взятках деньгами так и съестными харчевым отписей и от сказок хотя и показывал, что тот принос ему от них был в честь, но токмо по плакату как камисаром, так и подьячим, обретающимся при подушном зборе сверх определенных на жалованье под штрафом брат невелено»⁴⁶.

Мысль о границах преследования взяточничества точно выразил в 1764 г. воевода Козлов: «Токмо пресекать оные зборы никак мне было не можно, пото-

⁴⁰ Там же, д. 390, л. 3.

⁴¹ Там же, ф. 248, д. 412, л. 245.

⁴² См.: ПСЗ-И. Т. 5. № 2871. См. также: *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Т. I. Акты о высших государственных установлениях. М.; Л., 1945. С. 211–212.

⁴³ См.: ПСЗ-И. Т. 6. № 3586.

⁴⁴ РГАДА, ф. 248, д. 412, л. 252 об.

⁴⁵ Там же, л. 252.

⁴⁶ Там же, л. 252 об.

му что для всяких мирских надобностей, а имянно на отпращу рекрут, и по немимению своих писцов за написание разных сказок и репортов без збору денег обоитися им было не можно, ежели же мне предписать им, по скольку имянно збирать з души на те расходы, тобы и болше в силу законов подверг себя под наказание»⁴⁷. С одной стороны, установленные традицией взятки и почести нельзя отменить, потому что дело встанет, с другой – их нельзя и легализовать, потому что закон запрещает. Единственным возможным выходом в этой ситуации становилось следование негласным «правилам», определявшим размеры и ритуальные формы подношения «подарков». В случае же систематического нарушения этих правил у «слабого» (в данном случае крестьянского мира) существовала определённая возможность защитить свои интересы. Фактически крестьянство использовало законы о взятках, чтобы осадить зарвавшихся чиновников.

⁴⁷ Там же, ф. 304, оп.4, д. 279, л. 13 об.

Должностные преступления в местном аппарате управления первой половины XIX в. (на материалах Вологодской губернии)

Олеся Плех

**Official malfeasance in local administration in the first half
of the nineteenth century (based on materials of Vologda region)**
Olesya Plekh (Institute of Russian history, Russian Academy of sciences)

В последние десятилетия тема злоупотреблений чиновничества привлекает многих исследователей, рассматривающих историю государственного управления. В большинстве случаев учёные приходят к выводу, что именно характер должностных преступлений является одним из показателей качества работы органов государственной власти. Но при этом многие из них сталкиваются с проблемой поиска документальных свидетельств этих правонарушений. В большинстве случаев при характеристике злоупотреблений чиновничества исследователи используют мемуарную литературу либо опубликованную министерством юстиции статистическую отчётность. В настоящей статье предпринимается попытка на основе анализа материалов местных учреждений первой половины XIX в. рассмотреть должностные преступления с позиции особенностей уголовного судопроизводства. Источниковой базой работы стали документы, отложившиеся в Государственном архиве Вологодской области (ГА ВО), а именно протоколы и журналы заседаний уголовной палаты, которые впервые